

Ничего, прорвёмся — так он говорил...

Татьяна Васильевна Криницына, мать погибшего в Чечне рядового срочной службы, артиллериста Сергея Криницына:

— ...В Чечне он был меньше года. И ничего особо не писал — всё нормально, всё нормально, кормят хорошо. Если не хватает, ходим в кафе, на рынок ходим. А так... И всё повторял, что писать, мам, нечего, всё одинаково. Полстраницы едва вытянет... А я всё равно настаивала: «Серёженька, пиши. Пусть немного, но пиши...» А почерк у него был мелкий-мелкий — как бисерки буковки.

Вот первое письмо из Чечни: «Здравствуйте, мама, папа, Лёха. У меня всё нормально. Вы только не волнуйтесь. Я нахожусь в 291-м полку в Республике Чечня, в Аргунском ущелье... С письмами здесь проблема. Моё письмо, может быть, и не дойдёт до вас. И ваши вряд ли дойдут. Так что не переживайте, если не будет от меня писем... Пока здесь тихо, войны нету. Кировских много. Кстати, попал я в разведроту. И тот пацан, который к нам заезжал в отпуске, тоже со мной... Мой адрес: Москва, 400, полевая почта в/ч 44822, разведрота... 20 марта 2001 года». И внизу крупно — ВСЁ ПУТЕМ!

Раза два в месяц приходили от него письма. А мы ему писали часто — я всех заставляла. Муж писал отдельно, сам от себя, я писала, Алёша писал. И складывали непременно в разные конверты. Ну что хорошего, если один конверт придёт, а так много — ему будет интересней...

А это письмо от него последнее: «...У меня всё нормально, всё по-старому — жив-здоров... Письма от вас идут долго. Сначала через Москву, потом в дивизию в Ханкале, потом только к нам в полк. В нп. Борзой. А я не через почту отправляю, а с кем-нибудь, кто в Россию едет. Так что у меня быстрее идут... Папаня просил, чтобы я привёз шапку, по нашему «пидорку». Привезу — какой базар. А ещё он писал про жилетку. Это не жилетка, а разгрузка, она под «магазины» только подходит... Вообще тут хлама всякого много,

даже интерес к нему не тот, как раньше. Уже надоело всё до жо... 29 ноября 2001 года...»

На этой же страничке продолжение. Похоже, не отправил сразу первую часть написанного: «Здравствуйте, папа, мама, Лёха. Снова начинаю своё письмо, которое не дописал, потому что был на выезде полмесяца. Объездили всю Чечню. Так зае... Зато приехал и получил письмо от Светки. Она мне давно не писала... Вы мне напишите, ездит ли у вас машина или продали уже. И пришлите фотку. И Лёха пусть фотку пришлёт. Посмотрю, чё за мафиози вырос... Заранее поздравляю вас с Новым годом. Послал бы вам денег, да боюсь в конверте не дойдут. Зато пошлю фотки. Может, на днях опять куда-нибудь отправят и хрен знает на сколько времени... Погода здесь вообще непонятная. То туман, то солнце, то снег, то дождь... С деньгами нормально. То вообще нету, то есть и много. А как домой везти — это целий геморрой. Вроде, говорят, что сберкнижки будут давать и, мол, дома по ней получите. Но мне не внушают доверия эти книжки...

Это хорошо, что вы решили завести собаку. Но пекинес меня чего-то не прёт. Лучше, мне кажется, кокер-спаниель. Он прикольнее будет, чем эти кошкообразные. Или бультерьер...

Как там дела с работой? Наверное, проблемы, хрен куда берут? Я уже тут привык и меня немного пугает, что будет дома. Ведь мне уже немного осталось — примерно три-четыре месяца. Пусть папаня самогон гонит. Приеду — расколбаниваться будем. Я за всю службу всего два раза нормально выпил, да и вообще здесь пить не прикольно. Сплошное палево.

♦ Как там дела с рыбалкой? Ловите ли стерлядь или Черни (кличка у его друзей, двух братьев) уже всё выловили? За судаками, надеюсь, уже вместе поедем... Не знаю, что ещё написать? Для меня писать письмо — целая проблема. И это, наверное, самое большое получилось!

До свидания!!! Скоро домой!!!! 20 декабря 2001 года...»

А 5 февраля его не стало...

Кому нужна была эта война? Никому не нужна. А сколько мальчиков потеряно... Вот посмотришь порой по колясочкам, спрашиваешь, у кого кто родился — почему-то мальчиков рождается больше. Но когда наступает пора девочкам замуж выходить — мальчиков не хватает. Почему так происходит — не знаю... Как будто государство специально отбирает мужчин, сыновей наших отбирает. Или только по посёлку нашему так? А может, и в целом по стране? Как будто специально у нас отбирают мужское население... Зачем, куда? И зачем была эта война? Разве мы сыновей растили для войны?..

...Он меня мамулькой называл, а я его Котиком. Сергунька или Котик... Хотя, если что не так, всяко могла сказать... Он и в углу у нас стоял за провинности, и ремень получал... Очень сильно его наказала, когда узнала, что сын начал курить. Взяла сигареты, размяла и в рот ему совала: «Вот ты куришь, значит, ты их ешь. Так на, ешь...» Но всё равно не отучила — он ушёл в армию и курил. Много курил.

Он не идеальный был в поведении. Мог и подраться. И знаете как... Он был очень сильный и не любил, когда обижают слабых. Всё ходил и заступался... Иногда говоришь: «Серёж, это же нехорошо...» — «А чё, мам, если приходят, просят помочь...» — «Так ведь не кулаками надо разбираться...»

Было у него увлечение — техника. Мог мотоцикл вечером начать разбирать и так до утра... Я-то ничего не понимаю, а муж говорил: «Представляешь — разобрал до винтика, а потом всё самостоятельно собрал за ночь...» Очень он это дело любил. И я радовалась, что на улице нигде не болтается. Иду, в окошко посмотрю — свет в гараже горит. Все уже спят, темно, а он опять там. Или когда загляну: «Серёж, поздно уже...» — «Я сейчас, мам, закончу...» Но время идёт, свет горит — он всё ещё там...

Хотя и здесь всякое случалось. Когда ещё прав не было, украдкой ездил. Но сколько раз было — у соседа мопед взял, поехал, тут милиция его и задержала. Я на работе, а он мне звонит: «Мам, приедь в милицию, меня забрали... Я доказываю, что мопед не мой — соседский. Не верят. Так ты приедь,

подтверди мои слова...» И мне приходилось отпрашиваться, вызволять его из милиции... Когда же выучился, права получил — очень доволен был. И я его с братом всё время учила: как требует закон, так и надо поступать. Хотя вот бывало — попадался...

...Очень сложные у меня с Серёжей роды были: ребёнок крупный, вес большой — 3900, плечики широкие — его вакуумно за головку вытаскивали... В три года — диатез: болячки такие, что прохожие на него оборачивались. Мы даже не фотографировались долго, потому что коросты... И вот решила я его «дикарём» свозить на юг, на море. И он там накупался, в песке навалялся и у него всё-всё прошло... А у меня подружка была — у неё девочка на год Серёжи постарше, — и мы решили их покрестить. Приехали в Киров, в Серафимовскую церковь. Нам говорят: «Нужны паспорта родителей — папы и мамы». А у меня муж сразу сказал: «Я не поеду». У подружки муж вообще партийный — тоже не поехал. Но паспорта мужей мы взяли. Говорим: «Они сейчас подъедут на автобусе». Но время подходит, надо идти в церковь... Нас вновь спрашивают: «Ну и где же ваши мужья?» Мы смущённо: «Не приехали...» — «Ну идите тогда уж так...» И мы пошли, и нас покрестили... Крёстная мать — это мы сами, менялись с подружкой, а крёстных отцов не было... Потом детям говорим: «Не говорите, где мы были» — «Нет, не будем, не будем...» — «Никому не говорите, чтобы не было неприятностей...» — «Да-да, не скажем...» Сели в автобус. А в автобусе на Мурыгино всегда народу много. Серёжу взяла на руки знакомая женщина, спрашивает: «Ну что, куда ты ездил?» — «Ездил, да» — «А куда?» — «Так мы покрестьянились! Потом курицу купили и домой поехали...»

В детстве он очень заботливый был, ласковый. И младший брат его уважал. У них разница 6 лет, и старший для него, как отец, — следил всё время, нянчился... Когда мне надо Лёшу купать — он его и обливал, и полотенцем укрывал... Раньше молоко было по детским талонам, так он ходил, очередь занимал. Я ещё говорила: «Не носи по 3 литра, бери литр или два...» Но он упорно носил 3 литра... А один

раз дошёл до дверей — мы жили тогда в общежитии коридорного типа на четвёртом этаже... — стал дверь открывать, тут бидон у него и выскочил. Сколько было рёву, что Алёшке молока не хватит...

Когда Серёжа погиб, муж поседел сразу, а Алёша — ему было в тот момент 14 лет — стал абсолютно неуправляемый. И вроде как жестокий. Не стал слушаться. Кричал: «Я в армию пойду и отомщу!...» Из дома убегал, неделю его не было. Даже ходили, искали. И всё спорили. Он одно: «Я пойду в армию, пойду...» А я: «Нет, не пойдёшь... Я уже одного отправила в армию. А ты — не пойдёшь...» — «Нет, я пойду в армию и отомщу» — всё время так говорил... Когда призывной возраст подошёл, ездил в военкомат, ему сказали: «Ты военнообязанный, но служить не будешь...» И он первое время даже на нас обижался... А потом и муж погиб, остались мы с Лёшкой вдвоём.

...23 февраля, в День защитника Отечества, гроб с телом Серёжи домой привезли. Офицер и два солдата. Я уж парней в сторону отводила, спрашивала: «Расскажите, что произошло?» А они одно твердили: «В горах дело было, на высоте...» А что конкретно — толком не знают... Мы просили, чтобы они у нас переночевали — но нет, их даже не оставили в посёлке. Мол, чтобы не было никаких недоразумений. А мы думали: ребята останутся, спать будут, потихоньку поговорим...

Цинковый гроб каким-то маленьким мне показался. Было и окошечко — тоже маленькое, но лицо видно. Глаза у Серёжи открыты. И сукровица... И на голове ленточка церковная — видимо, уже отпевали... Я видела в окошко, что это он... Сын! Сын!

У него прежде было любимое выражение: ничего, прорвёмся — он так всё время говорил. Нет, не прорвался!.. Когда в армию пошёл, я специально по церковным лавкам маленькую книжечку искала — с молитвой матери о воинах. Чтобы можно было её постоянно с собой носить, чтоб не мешала... Ничего не помогло, не сберегло. Как тогда дальше жить?! ◀